

Белокуров С. А. Арсений Суханов. Речь перед защитой [магистерской] диссертации М., 1891 // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 3. С. 519–531 (2-я пагин.).

АРСЕНІЙ СУХАНОВЪ.

Рѣчь, произнесенная 27 октября 1891 г. предъ защитою диссертациі С. Бѣлокуровымъ.

Изученіе событій жизни нашего отечества за XVII столѣтіе имѣетъ большую важность не только для гражданской, но и для церковной нашей исторіи. — Въ области первой этотъ вѣкъ характеризуется, какъ время, съ котораго начинается періодъ *новоліи* русской исторіи, довольно рѣзкими чертами обрисовывающей ся съ царствованія Петра, по начало свое положившей еще при первыхъ государяхъ дома Романовыхъ. Если вообще изученіе предыдущихъ періодовъ жизни народа заслуживаетъ нашего полнаго вниманія между прочимъ потому, что оно раскрываетъ намъ смыслъ послѣдующихъ событій, то это особенно можно сказать о XVII столѣтіи, такъ какъ преобразованія, совершенныя Петромъ Великимъ въ первой четверти XVIII вѣка, имѣютъ тѣсную связь съ предыдущимъ вѣкомъ, ихъ подготовившимъ.

Въ жизни Русской Церкви семнадцатое столѣтіе имѣло также большое значеніе. Во второй половинѣ его часть русскаго общества, недовольная предпринятымъ патр. Никономъ исправленіемъ русскихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, отдѣляется отъ союза съ церковью и составляетъ особое отъ нея „самочинное“ сборище; борьба съ этимъ болѣзненнымъ явленіемъ, которое мы называемъ расколомъ старообрядства, наполняетъ многія страницы церковной исторіи и не только этого вѣка, но и послѣдующаго времени. Не однимъ этимъ памятенъ Русской церкви XVII-й вѣкъ. Смутное время, „великая розруха“ Московскаго го-

сударства отразилась и на ходѣ дѣль Русской церкви, которая не только заботится объ уврачеваніи нанесенныхъ ей ранъ, но и выступастъ на защиту отечества отъ вгѣшнихъ и внутреннихъ враговъ его, принимая всѣ возможныя для нея мѣры къ умиротворенію страны. Не малое волненіе возникло и отъ низложенія патріарха Никона, когда церковь вдовствовала, оставалась безъ верховнаго пастыря почти въ теченіи 10 лѣтъ. Но не одни только эти, такъ сказать, чрезвычайныя событія жизни Русской церкви за XVII-е столѣтіе останавливаютъ на себѣ наше вниманіе: въ ея жизни много и другихъ весьма любопытныхъ и важныхъ фактовъ: значительный ростъ духовной литературы, стремленіе къ просвѣщенію и основаніе греколатинскихъ школъ и пр. Изученіе этихъ событій, важныхъ не только самихъ по себѣ, но и по значенію ихъ для послѣдующаго времени, думаю, не только неизлишне, но должно бы быть однимъ изъ преимущественныхъ занятій изслѣдователей минувшей жизни нашего отечества.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оно является далеко не такимъ. Среди нашей исторической литературы XVIII в. мы не встрѣчаемъ ни одного труда, который сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ повѣствовалъ бы намъ о событіяхъ XVII-го вѣка церковной или гражданской исторіи. Причина та, что предметомъ специальныхъ работъ по Русской исторіи въ это время были по преимуществу вопросы, относившіеся къ древнѣйшему ея періоду. Князь Щербатовъ успѣлъ довести свою полную исторію Россіи, которую онъ думалъ написать, только до начала XV-го вѣка. Трудъ Манкіева представляетъ не болѣе, какъ самый краткій перечень фактовъ. Обзоръ исторіи XVII-го вѣка, который Голиковъ счелъ необходимымъ предпослать изложенію „Дѣяній Петра Великаго“, не имѣетъ научнаго значенія. Только въ текущемъ столѣтіи появляются болѣе или менѣе удовлетворительныя труды какъ по изученію исторіи нашего отечества за XVII-й вѣкъ вообще, такъ въ частности и по Русской церковной исторіи этого времени, именно: „краткая церковная Россійская исторія“ митр. Платона, „исторія Россійской іерархіи“ арх. Амвросія, словарь митр. Евгенія о писателяхъ духовнаго чина, „обзоръ духовной литературы“ и исторія Русской церкви Филарета, архіеп.

Черниговскаго, исторія Русской церкви митр. Макарія и др. Въ нашихъ журналахъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и изъ послѣднихъ особенно въ чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ все чаще и чаще встрѣчаемъ работы, содержаніемъ которыхъ служитъ тотъ или другой фактъ Русской церковной исторіи XVII-го вѣка. Паряду съ изслѣдованіями тамъ-же и отдѣльно печатаются и первоисточники ея, различные акты и сочиненія XVII-го вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые являются драгоценными, ничѣмъ незамѣнимыми, матеріалами, — напр. изданные Н. И. Сувботинымъ. Но, несмотря на эту сравнительно усиленную въ настоящее время разработку Русской церковной исторіи XVII-го вѣка, она всетаки еще по очень и очень многимъ вопросамъ требуетъ изысканій. Достаточно указать на то, что мы доселѣ не имѣемъ удовлетворительной исторіи одного изъ любопытнѣйшихъ явленій XVII вѣка — раскола старообрядства. Предъ нами лежатъ работы въ этой области митр. Макарія, Игнатія архіеп. Воронежскаго, А. П. Муравьева, Щапова, Андреева, Н. И. Ивановскаго, но онѣ весьма далеки отъ того, чтобы ихъ признать удовлетворительными: многихъ и многихъ выводовъ, къ которымъ уже пришла наука, вы въ нихъ не найдете; фактическія ихъ свѣдѣнія сплошь и рядомъ стоятъ въ непримиримомъ противорѣчьи съ документами, потому что многіе матеріалы для исторіи раскола авторами не были приняты во вниманіе при ихъ работахъ. Мы имѣемъ нѣсколько хорошихъ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ исторіи русскаго раскола, за извѣстное время или въ извѣстной мѣстности, но общей, полной исторіи его, хотя бы только за одинъ XVII-й вѣкъ, мы не дождались. Одной изъ главныхъ причинъ этого служить, кажется, то обстоятельство, что исторія русской церкви за это время еще недостаточно изучена, многіе вопросы ея остаются еще не обслѣдованными. Изложенными двумя условіями — важностью изученія исторіи нашего отечества за XVII в. и недостаточнымъ знакомствомъ нашимъ съ нею и объясняется выборъ мною XVII столѣтія для занятій по исторіи Русской церкви. Изучая событія этой эпохи, я остановился на одномъ изъ любопытнѣйшихъ и выдающихся представителей русскаго

общества того времени, именно Арсенія Сухановѣ, заинтересовавшемъ меня и своею личностью и своею дѣятельностью.

По своему происхожденію онъ, какъ и его современникъ— патр. Іосифъ, принадлежалъ къ служилому классу московскаго государства: его отецъ былъ мелкій провинціальный дворянинъ испомѣщенный по городу Соловѣ, въ нынѣшней Тульской губерніи, гдѣ Арсеній, вѣроятно, и проводилъ первые годы своей жизни, недалеко отъ Тамбова, вблизи котораго находилось помѣстье отца подклучника и стряпчаго приказа Большаго Дворца Игнатія Дьякова, ставшаго потомъ патр. Іосифомъ. Образование молодаго Антона Суханова, какъ звали въ міру старца Арсенія, пужно думать, шло обычнымъ порядкомъ, т. е., когда наступила пора (а это бывало — по достиженіи 7—8-лѣтняго возраста), его засадили за букварь, Часословъ и Псалтирь, и обучили письму. Но этими свѣдѣніями, полученными, быть можетъ, на родинѣ, умѣнемъ читать и писать, курсъ образованія Суханова не ограничился; имъ изученъ былъ еще греческій языкъ, что уже было совсѣмъ рѣдкимъ явленіемъ среди тогдашняго русскаго общества. Гдѣ Арсеніемъ были получены эти послѣднія познанія — неизвѣстно. Въ своемъ изслѣдованіи я высказываю предположенія объ этомъ, изъ которыхъ мнѣ въ данное время всего болѣе вѣроятнымъ кажется то, что своими познаніями онъ обязанъ одной изъ школъ западнорусскихъ братствъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, изученіе греческаго языка стояло на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. „Приучаютъ также ежедневно, читаемъ въ правилахъ одной изъ этихъ школъ (Луцкаго братства), чтобы дѣти одинъ другого спрашивали погречески, а отвѣчали по-словенски, равно спрашивали по-словенски, а отвѣчали на простомъ языкѣ *)“. Если бы у насъ были прямыя извѣстія объ изученіи Арсеніемъ греческаго языка въ какой либо изъ школъ западнорусскихъ братствъ, то слѣдовалъ бы далѣе, кажется, безспорный выводъ, что имъ пройдены были и другія науки, составлявшія тогда предметъ школьнаго обученія: грамматика, риторика, діалектика и пр.

*) Здѣсь же онъ могъ приобрести и познанія въ латинскомъ и польскомъ языкахъ.

намекъ на что даютъ его сочиненія. — Уяснить себѣ внутреннюю жизнь, умственный обликъ Суханова за это время, представить себѣ тотъ запасъ силъ, съ которыми онъ вступалъ въ жизнь, мы нисколько не можемъ по той простой причинѣ, что мы не имѣемъ для этого рѣшительно никакихъ данныхъ.

Мы даже не знаемъ, что заставило его принять монашество — внутреннія ли побужденія его души, или какія-либо внѣшнія, случайныя причины. „Когда ты будешь бѣдствовать въ волнахъ житейскихъ и въ бурѣ мірской, говорилъ своему сыну одинъ набожный древнерусскій отецъ, проникнутый глубокимъ благоговѣніемъ къ монашеской жизни, — я покажу тебѣ, сынъ мой, надежное пристанище — монастырь, жилище святыхъ; къ тѣмъ прибѣгай, и утѣшатъ тебя; поскорби въ нихъ, и возвеселишися“. Волны житейскія обрушились на Антона Суханова съ первыхъ лѣтъ его жизни: „отецъ его — бѣденъ и худъ, волочился межъ дворъ на Тулѣ“; и быть можетъ поэтому Антонъ пришелъ къ тихому пристанищу и перемѣнилъ свое имя на новое — Арсеній. Но онъ не могъ исполнить дальнѣйшаго наставленія тогоже древнерусскаго отца: „и если что имѣешь въ дому своемъ потребное для нихъ, носи къ нимъ; ибо все это влагаешь въ руки Божіи и получишь воздаяніе за нихъ“; не могъ потому, что у него ничего не было.

Поселившись въ монастырѣ, Сухановъ свободное время посвящаетъ занятію, которое въ прежнее время было любимымъ занятіемъ монашествующихъ, переписыванію книгъ. На это дѣло въ прежнее время смотрѣли очень высоко и работавшіе всячески боялись ошибиться, и въ случаѣ допущенія ошибокъ даже каялись на исповѣди: „согрѣшихъ, переписывая св. писанія по своему обычаю и по своей волѣ, а не якоже есть писано“. Авторы и первые писцы постоянно предостерегали послѣдующихъ переписчиковъ отъ ошибокъ. „Аще кто восхоцетъ, замѣчаетъ митр. Кипріанъ, сія книги переписывати, смотри не приложити или отложить едино нѣкое слово или точку едину или крючки, иже суть надъ строками, ниже перемѣнити слогию нѣкоторую“. Однимъ изъ послѣдствій этого строгаго взгляда на переписываніе книгъ было появленіе въ нихъ обычныхъ моленій писцовъ о прощеніи въ случаѣ допущенія ими ка-

кихъ либо ошибокъ. Такое моленіе пишеть на рукописи и нашъ „многогрѣшный и великонедостойный рабъ Божій“: „Молю вы, братіе, именемъ Господа нашего Иисуса Христа, аще кому лучится прочитати или переписовати сію душеполезную книгу, аще будетъ въ нѣкоемъ погрѣшено моего ради небреженія или малоумѣтельства ума моего, милостивы и незасорливы бывайте. Молюсь вамъ, чтите, а не кляните, понеже не писа Духъ Святый, ни ангель, но рука грѣшная и брѣнная; занеже и вы сами человѣцы и человѣческимъ подлежаще, яко требуете милости и прощенія отъ человѣкъ, прощенію вашему и меня сподобляйте. Медъ убо, аще и не въ сребрепыхъ или въ златыхъ сосудѣхъ, но и на корѣ, не премѣняеть своего естества сладости; сице и божественная писанія не прелагаются грубости ради и нелѣпотнаго художества, но всегда во своемъ составленномъ члпу пребываютъ непреложне и неразвратне“. Это смиренное моленіе Суханова о прощѣніи за погрѣшности было напраснымъ: въ рукописи ихъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Находясь въ монастырѣ, Арсеній старается также пополнить свои свѣдѣнія ознакомленіемъ съ произведеніями древнерусской литературы, идетъ далѣе по пути самообразованія, очевидно, вполне раздѣляя мнѣніе: „Якоже корабль безъ гвоздѣй не составляется, тако инокъ безъ почитанія книжнаго“. Онъ пріобрѣтаетъ себѣ различныя произведенія литературы, а нѣкоторыя отдаеть даже нарочито списывать для себя. Это и само по себѣ въ древнее время составляло подвигъ, такъ какъ рукописи стоили очень дорого; но Арсеній не пріобрѣтаетъ только ихъ себѣ, но и усерднѣйшимъ образомъ перечитываетъ. „Егда чтеши книги, писалъ старорусскій книжникъ, не тщися борзо изчести до другія главизны, но поразумѣй, что глаголють книги и слова та, и трижды обратися къ единой главизнѣ“. Сухановъ, очевидно, въ точности исполнялъ это наставленіе: его рукописи всѣ испещрены замѣтками и на поляхъ, и въ началѣ и въ концѣ рукописей, отмѣчающими одно или другое мѣсто, обратившее на себя его особенное вниманіе. Такъ на ркп. Патерика Египетскаго противъ многихъ главъ онъ пишеть: „зри“, или „зри все“, „зри всю главу сію, только внимать добрѣ“, „чти полезно сестъ лѣнливимъ“, „чти Григорія Синаита главу 115 о молитвѣ“. Онъ не доволь-

ствуется тѣмъ или другимъ составомъ рукописи, но въ дополненіе къ ней въ концѣ дѣлаеть еще значительное число выписокъ изъ другихъ книгъ. Очевидно, чтеніе, „почитаніе книжное“, какъ у насъ говорили встарину, было его любимымъ дѣломъ: онъ не только писецъ рукописей, но и усерднѣйшій ихъ чтець, слѣдующій мудрому изрѣченію древнерусскаго писателя: „Добро есть почитаніе книжное“, книги суть глубинѣ моря подобны, въ нюже поныряюще износятъ бисеръ драгый“. Арсеній не ограничивается усвоеніемъ тѣхъ только литературныхъ произведеній, которыя составляли его бібліотеку; но пользуется открывшеюся ему возможностью и беретъ для чтенія, а иногда и для переписыванія, рукописи другихъ бібліотекъ, напр. Чудова монастыря. Благодаря этому онъ является предъ нами съ большою начитанностью въ древнерусской литературѣ. До нашего времени сохранились 7 рукописей, принадлежавшихъ ему, и одна, писанная имъ самимъ, содержаніе которыхъ главнымъ образомъ составляютъ различныя духовно-нравственныя и аскетическія отеческія сочиненія, наиболѣе распространенныя у насъ и имѣвшія обширный кругъ читателей. Но кромѣ нихъ Сухановъ хорошо знакомъ и съ другими литературными произведеніями — полемическими противъ латинянъ и съ различными сказаніями русскаго происхожденія. Одна изъ его рукописей вся состоитъ изъ произведеній, направленныхъ противъ латинянъ, изъ сказаній о нихъ, а также и о Флорентійскомъ соборѣ, имѣвшемъ такое большое значеніе для образованія у древнерусскихъ людей извѣстныхъ взглядовъ на грековъ. Въ его собственныхъ сочиненіяхъ („Преніяхъ“ и „Проскинитаріи“) находятъ указанія на знакомство съ весьма многими такими литературными произведеніями, которыхъ вы не встрѣтите среди рукописей, принадлежавшихъ ему. Сухановъ, повторяю, былъ сильно пачитанъ въ древнерусской литературѣ.

Не однимъ книжнымъ путемъ пріобрѣталъ свои познанія Сухановъ: онъ старался ихъ пополнять при томъ или другомъ случаѣ своими наблюденіями, распросами и развѣдываніемъ. Благодаря этому онъ и является предъ нами въ срединѣ XVII-го вѣка, при своихъ преніяхъ съ греками, съ такимъ обширнымъ запасомъ свѣдѣній о нихъ, какой, какъ говорилось въ нашей литературѣ, могъ принадлежать

только греку. „Арсеній, читаемъ въ одномъ изслѣдованіи, въ преніяхъ высказываетъ такое полное и подробное знаніе Греціи, Египта и Палестины, какихъ нельзя требовать даже отъ природныхъ грековъ... Онъ знаетъ — гдѣ какіе нравы и обычаи, знаетъ у какого патріарха какіе старцы живутъ въ монастырѣ и сколько ихъ“... На это обиліе его свѣдѣній о грекахъ указывали даже, какъ на доказательство неподлинности, непринадлежности Суханову его сочиненія „Преній о вѣрѣ“...

Объ убѣжденіяхъ Арсенія, его умственномъ обликѣ въ это время, въ зрѣлыя лѣта его жизни, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ XVII-го столѣтія, когда ему было по вѣроятному расчету около 50 лѣтъ, мы можемъ составить приблизительное понятіе, потому что онъ самъ себя до нѣкоторой степени охарактеризовалъ въ своихъ любопытнѣйшихъ „Преніяхъ о вѣрѣ“, которыя онъ велъ съ своими смутниками — греками, будучи посланъ въ 1649 году московскимъ правительствомъ на Востокъ для собранія подробныхъ свѣдѣній о грекахъ и греческой церкви. Политико-религіозныя теоріи, распространенныя въ нашемъ древнерусскомъ обществѣ и выраженіе свое нашедшіе въ различныхъ древнерусскихъ сказаніяхъ, имѣли его своимъ горячимъ приверженцемъ, и въ „Преніяхъ“ Арсеній является предъ нами истымъ московскимъ книжникомъ съ любимой теоріей о третьемъ Римѣ — Москвѣ. „Блюди и вземли, благочестивый царю, писалъ въ XVI в. старецъ Филоофей въ посланіи къ великому князю, яко вся христіанская царства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти... Единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь“. Тоже говорилъ грекамъ и Сухановъ: „въ Царьградѣ былъ царь благочестивый единъ подъ солнцемъ... а нынѣ вмѣсто того царя — на Москвѣ государь царь благочестивый, во всей подсолнечной единъ царь благочестивый“.

Съ этимъ политическимъ пресмствомъ Москвою значенія Константинополя, второго Рима, въ нашихъ сказаніяхъ былъ связанъ, какъ извѣстно, вопросъ и о благочестіи грековъ. Сухановъ въ своихъ „Преніяхъ“ весьма рельефными чертами обрисовалъ взгляды на нихъ свои и своихъ современниковъ, русскихъ людей. „Второго Рима, говорили

у насъ на Руси въ XVI—XVII вв., Константинова града церкви агаряне внуцы сѣкирами и оскордми разсѣкоша двери, понеже они (греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство... Сія же нынѣ третьяго новаго Рима (Москвы) св. соборная апостольская церкви, иже въ концяхъ вселенныя, въ православной христіанстѣй вѣрѣ во всей поднебеснѣй паче солнца свѣтитяся“. Эти именно мысли и развиваетъ подробно Арсеній въ своихъ „Преніяхъ“, т. е. что греки потеряли благочестіе, которое русскіе наоборотъ сохранили въ цѣлости и неприкосновенности. Онъ обвиняетъ грековъ не только въ нехраненіи преданій, но и въ отступленіи отъ апостольскихъ правилъ. „Вѣру вы приняли, говорилъ Арсеній имъ, отъ апостоловъ, и мы приняли ее отъ ап. Андрея; а если и отъ грековъ, то отъ тѣхъ, которые непорочно сохраняли правила св. апостоль и вселенскихъ соборовъ, а не отъ нынѣшнихъ, которые не соблюдаютъ правилъ св. апостоль“. По его мнѣнію, греки — еретики, ихъ слѣдовало бы перекрещивать, такъ какъ они неправильно крещены; у нихъ и христіанства почти нѣтъ: они были христіане, а теперь бусурмане, ихъ можно поэтому не слушать и на ихъ зазіранія можно не обращать вниманія. „Ни папа — глава церкви, ни вы, греки, источникъ всеѣмъ вѣрнымъ; а если вы и были источникомъ, только онъ нынѣ пересохъ и вы сами страдаете жаждою. Какъ же вамъ весь свѣтъ наповать своимъ источникомъ? Турской царь и ближе насъ у васъ живетъ, да не можете своимъ источникомъ напоить его и привести къ вѣрѣ“. Сухановъ далѣе прямо заявляетъ, что русскіе могутъ править законъ Божій и безъ четырехъ греческихъ патріарховъ, „занеже нынѣ у насъ глава православія, царь благочестивый“, могутъ откинуть патріарховъ подобно тому, какъ греки откинули папу, „головное чувство зрѣнія“, когда оно „тускомъ заволокло, сирѣчь ересь и расколомъ церковнымъ папа помрачился и свѣта видѣти право не можетъ“. Въ то время, какъ у грековъ замѣчается такой упадокъ благочестія, русскіе сохранили его, заполучивъ къ тому же отъ грековъ все, что у нихъ было добраго. „Прочее же реку, говорилъ Сухановъ грекамъ, что у васъ не было добраго, то все къ Москвѣ перешло... все ваше начало къ намъ перешло“.

Съ такими взглядами по одному изъ наиболѣе интересовавшихся московское общество вопросовъ, вопросу о грекахъ и ихъ благочестіи, отправился Сухановъ въ 1649 году въ свое путешествіе на Востокъ для рѣшенія того вопроса, который былъ уже имъ самимъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Свои взгляды на грековъ онъ не только откровенно и публично высказалъ своимъ спутникамъ-грекамъ, но и заявилъ ихъ оффиціально, подавъ московскому правительству въ концѣ 1650 г. при своемъ Статейномъ Спискѣ — отчетъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія, изложеніе преній съ греками, посвященныхъ развитію и обоснованію своихъ вышеуказанныхъ взглядовъ на нихъ. Второе его сочиненіе, появленіемъ котораго мы обязаны тому же его путешествію на Востокъ, „Проскинитарій“ довольно рѣзко отличается по своему тону и характеру изложенія отъ „Преній“: мы не находимъ уже въ немъ тѣхъ отзывовъ о грекахъ, которыми полны „Пренія“. Вслѣдствіе этого существуетъ мнѣніе, что Сухановъ, по возвращеніи изъ своего путешествія на Востокъ, въ 1653 году, отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на грековъ. Я позволю себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. То обстоятельство, что въ Проскинитаріи мы не находимъ уже тѣхъ отзывовъ о грекахъ, какіе существуютъ въ „Преніяхъ“, нисколько не свидѣтельствуетъ о перемѣнѣ взглядовъ Арсенія. Это говоритъ только о томъ... что этихъ отзывовъ нѣтъ; а нѣтъ потому, что Арсенію не вѣлѣно было включать ихъ въ Проскинитарій: ему при отъѣздѣ изъ Москвы въ 1651 г. вѣлѣно было „писать правду“ о томъ, что увидитъ „безъ прикладу“, безъ своихъ собственныхъ разсужденій. Сохранившійся до нашего времени единственный неполный списокъ Проскинитарія подробной редакціи возбуждаетъ даже вопросъ: не было ли первоначально въ Проскинитаріи этихъ отзывовъ о грекахъ гораздо болѣе и поданная царю и патріарху сокращенная редакція не вызвана ли смертію патр. Иосифа и вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона, расположеніе котораго къ грекамъ было хорошо извѣстно. — Трудно также предположить, чтобы человѣкъ, имѣя уже болѣе 50 лѣтъ отъ роду, перемѣнилъ свои взгляды, въ истинности которыхъ онъ сознательно, съ давнихъ поръ, былъ убѣжденъ и которые только

три года тому назадъ такъ горячо высказывалъ и такъ твердо отстаивалъ. — Наконецъ мы имѣемъ одно доказательство, свидѣтельствующее противъ мнѣнія о перемѣнѣ Сухановымъ взгляда на грековъ. Уже по возвращеніи изъ путешествія, послѣ подачи Проскинитарія, и даже, вѣроятно, послѣ 1655 г., когда онъ вернулся изъ своего путешествія на Аѳонскую гору, Арсеній пишетъ особую записку „о чинахъ греческихъ вкратцѣ“, въ которой выставляетъ всѣ несогласія греческой церкви съ русской въ отправленіи богослуженія, равно какъ и нѣкоторые случаи въ поведеніи грековъ — мрянъ и духовенства, случаи — соблазнительные въ глазахъ русскихъ людей XVII в. Думаю поэтому, что Сухановъ и по возвращеніи изъ путешествія на Востокъ остался съ тѣми же взглядами на грековъ, какіе имѣлъ и ранѣе, при отправленіи въ путешествіе, остался тѣмъ же московскимъ книжникомъ, какимъ онъ заявилъ себя въ своихъ „Преніяхъ“. „Раскольниковъ его“, пишетъ митр. Макарій, за это называть нельзя: сказанное имъ о паденіи греческаго царства и церкви и о возвышеніи Россіи и Русской церкви вполне соответствовало тому, что было принимаемо тогда въ Россіи“.

Исполнивъ наилучшимъ образомъ первое, возложенное на него, порученіе — описаніе св. мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ, Сухановъ патр. Никономъ посылается на Аѳонскую гору для покупки греческихъ рукописей, которыя нынѣ хранятся въ московской синодальной библіотекѣ. Это порученіе патр. Никона и послужило, кажется, поводомъ къ появленію другаго невѣрнаго мнѣнія, что Арсеній сдѣлался сотрудникомъ патр. Никона въ дѣлѣ исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ“. По возвращеніи изъ путешествія, говоритъ одинъ изслѣдователь, Арсенію предстояло на выборъ или сдѣлаться однимъ изъ представителей и вожаковъ старообрядства, или же сотрудникомъ патр. Никона въ его трудномъ дѣлѣ“. Онъ сдѣлался послѣднимъ и потому „долженъ былъ чувствовать пеловкость и затруднительность своего положенія, когда Никонъ удалился съ патріаршаго престола“. Я не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Арсеній не былъ сотрудникомъ патр. Никона при исправленіи богослужебныхъ книгъ: все время его патріаршества и даже нѣкоторое время по удаленіи его съ

престола Арсеній мирно жилъ здѣсь у Троицы въ своей келии, завѣдуя монастырскимъ хозяйствомъ, и не принималъ никакого выдающагося участія въ дѣлахъ церкви, появляясь въ Москвѣ только тогда, когда его присутствія требовали монастырскія дѣла. Вполнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ принималъ ближайшее участіе въ дѣятельности Московскаго Печатнаго Двора уже послѣ удаленія патр. Никона съ патриаршаго престола, именно съ 1661 г., когда онъ занялъ мѣсто начальника Печатнаго Двора. По возвращеніи изъ путешествій онъ не сдѣлался ни жоакомъ старообрядства, ни сотрудникомъ патр. Никона: онъ остался при тѣхъ же убѣжденіяхъ, которыя и рапѣ имѣлъ, но мирно семидесятилѣтнимъ старцемъ почили въ союзѣ съ Церковью...

Обзору жизни и дѣятельности этого лица въ связи съ тѣми вопросами, въ которыхъ Сухановъ принималъ участіе, и посвящено мое изслѣдованіе. Я не думаю, чтобы мнѣ нужно было останавливаться на доказательствахъ важности избраннаго мною предмета, и потому я позволю сдѣлать одно только замѣчаніе касательно источниковъ моего изслѣдованія.

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ работъ по исторіи Русской Церкви служить, мнѣ кажется, то обстоятельство, что до послѣдняго времени рукописный матеріалъ, находящійся въ нашихъ архивахъ и книгохранилищахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, мало былъ изучаемъ, несмотря на то, что онъ имѣетъ большую важность и сохранился въ достаточномъ количествѣ. И потому нерѣдко случается съ работами такого рода, что какой-либо документъ, неизвѣстный изслѣдователю, рушитъ всѣ его предположенія и выводы. При моей работѣ этотъ источникъ имѣлъ особо важное значеніе: во 1-хъ потому, что печатная литература доставила мнѣ слишкомъ мало свѣдѣній, и во 2-хъ потому, что сообщаемыя ею свѣдѣнія не отличались точностію, а наоборотъ разнорѣчимъ, и требовали постоянной провѣрки. Вслѣдствіе этого я не ограничился изученіемъ одной печатной литературы, но и употреблялъ всѣ мѣры къ ознакомленію съ рукописнымъ матеріаломъ, раскиданнымъ по разнымъ городамъ и всямъ нашего обширнаго отечества. Нелегко это было; но я терпѣливо копался въ кучѣ старья,

радуясь, когда въ этой массѣ находилъ кирпичикъ, годный для моей работы. И только послѣ того, какъ всѣ источники, гдѣ я что-либо могъ найти, были мной обследованы и у меня явилось убѣжденіе, что болѣе уже нигдѣ и ничего не найду, я рѣшился представить свою работу на судъ общества и науки. Мнѣ хотѣлось имѣть возможно большій фактический матеріалъ, чтобы затѣмъ по возможности болѣе твердо обосновать свои выводы. Насколько я достигъ своей цѣли, судить не мнѣ. Я желалъ бы одного, что бы трудъ мой хотя сколько нибудь послужилъ къ уясненію малоразработанныхъ вопросовъ въ избранной мною области. Хорошо помня: *errare humanum est*, мудрое изрѣченіе классической древности, я готовъ съ благодарностію встрѣтить указанія на промахи, недосмотры и ошибки, какія мнѣ, еще неискусившемуся, будутъ указаны людьми авторитетными и много послужившими успѣхамъ Русской исторической науки.
